

1. Скрип кресла-качалки; птицы. ИЗ ЗТМ. КАМЕРА — от ТЗ АЛЕКСАНДРЫ (70), бабушки, — медленно движется от окна по избушке. Из окна — утренний свет; лето. Напротив — печь и кресло-качалка, с которого спрыгивает ВНУК (6). КАМЕРА замирает на нем. Кресло, качаясь, по-прежнему издает скрип. Слышен ГОЛОС бабушки (V.O):

— Ну, чего ты?.. (ПРИМЕЧАНИЕ: Всё замедленное; скрип УСИЛИВАЕТСЯ.)

Внук, хохотнув, поворачивается спиной к КАМЕРЕ и говорит *взрослым* голосом:

— Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

— А?.. — не понимает бабушка. (Скрип постепенно перерастает СИРЕНУ.)

Раздаются ужасные СТУКИ в дверь позади. (КАМЕРА всегда на внуке, ОП.)

— Не открывай! — Внук вдруг начинает бегать взад-вперед, пинает кресло. — Не пускай! Это шторм надвигается на Россию... Шторм... Он уже стучится! — ПАУЗА.

— Ну, чего пинаешь? — грозно говорит бабушка; и тихо: — Кричит еще что-то...

— Не перемену! — заревел внук. — Ни за что не перемену я своей истории!..

КП: Медленно качается кресло, издавая орущую СИРЕНУ. СТУКИ в дверь.

2. По трассе сельской местности пролетает скорая помощь, обнажая пейзаж грустных ноябрьских полей. ПАУЗА. Завывает сильный ветер. Молния — ЗТМ.

ТИТР: ЭТО ШТОРМ

3. ИЗ ЗТМ. ДП: Скорая подъезжает к ковид-госпиталю. Из нее выходят санитары, ведут Александру в госпиталь. Та отстраняет их; ДОНОСИТСЯ: «Сама!» Сделав пару шагов, она падает — но ее подхватывают санитары и, ворча, уводят в здание. ПАУЗА.

4. Внутри — толпы народу, многим старикам плохо. ШУМ. Говорят два голоса (O.S):

— Что у нас вчера? (ПРИМ.: Кругом хаос: ругань, летают листья, что-то бьется.)

— По стране? Перевалило за двести...

— У нас уже почти под завязку... — вздыхает врач. — Что делать?

Санитары быстро везут на каталке женщину с КРИКОМ: «В сторону! В сторону!! Шторм идет! шторм начался!» Все жмутся по стенам, будто волны о скалы.

5. КП: Табличка «КРАСНАЯ ЗОНА». ОП: Палата с рванными шторами, старыми кроватями, облупившейся на стенах краской. Летают мухи. Санитары бегают по палате, проверяют капельницы, мерят сатурацию пациентам. Доносятся те же два голоса (O.S):

— Цитокиновый шторм... Избыток цитокинов запускает каскад иммунных реакций, и вместо адекватного ответа иммунитета на инфекцию формируется избыточный. В итоге организм может уничтожить себя быстрее инфекции. Для этого мы и меряем сатурацию.

— Самоубийство организма?.. (Какая-то старуха плачет: «Войны! Без конца-а!»)

— Ну. А что еще остается в такой ситуации?..

— Бороться? Бороться... (Медсестра обменивается запиской со сложным пациентом.)

Вечер. ТИШИНА, иногда чей-то ПЛАЧ. КП: За окном колышутся ветки. ПАУЗА.

6. В коридорах на скамейках спят санитары. ПАУЗА. ОП: Темная, старая палата с аппаратами ИВЛ. КП: На таком аппарате лежит Александра. ЗТМ.

7. (СОН) Детский СМЕХ. ИЗ ЗТМ. КАМЕРА от ТЗ АЛЕКСАНДРЫ: зеленый парк, кругом березки; Внук хватает ее за руки, и они кружатся. Он радостно кричит СТИХ:

*Бабушка-бабушка,
Любименька голубушка!
Пойдем искать воробушка,
Не будь-ка ты горбушечка!*

Вдруг из-за дерева появляется ЧЕЛОВЕК В КОСТЮМЕ (50), с книгой на голове. Он хватается Внука и, толкая, уводит его за собой, приговаривая и криво улыбаясь:

— Урод! А! террорист... м... Э! Вы все — пособники террористов!! Э. М... До-о!

Внук плачет и зовет Александру, но та просто смотрит на происходящее, не в силах сдвинуться с места. (ПРИМ.: КАМЕРА замирает.) Всё тускнеет, трава жухнет, поднимается ветер. С неба медленно падает *автомат*. ГРОМКИЙ ВЫСТРЕЛ.

8*¹. В ужасе Александра почти соскакивает с кровати, озирается по сторонам. Из окна — яркое солнышко; в чистой, современной палате всего лежат пять человек. Она судорожно пытается найти что-то — и хватается свою сумку с тумбы, прижимая к груди.

Сидящая спиной на соседней койке, к ней оборачивается худая женщина, ВЕРА (60):

— Ну, чего ты? (Александра же достает из сумки пару книжек, прижимая к себе.)

— Потеряла думала. Где это мы? Чистая какая палата... И шторы вон совсем светлые.

— Это, — начала с достоинством Вера, — палата для особенных *граждан*.

— Да?.. Я Александра.

— Вера... — томно отвечала Вера. Они пожали друг другу руки.

С другой стороны бодро вскакивает темноволосая АННА (30) и раскрывает настежь оба окна, так что весеннее тепло, зелень, свет и птичий гам льются в палату.

— Ах!.. Какое утро! Встаем, граждане, встаем! — строго говорит Анна. — Еще

ты дремлешь, — она кидает подушку в НИКОЛАЯ (35), — друг прелестный! А?

Николай весело вскакивает, бросает в Анну одеяло и здоровается с МИХАИЛОМ (55). Оба они достают из-под кроватей детали и начинают собирать резной *стул*.

— Чем это вы тут занимаетесь? — хмурится Александра.

— Мы, вы хотели сказать. Мы стараемся *не забыть*. Это Анна, Николай и Михаил.

Анна усаживается на стул и громко начинает читать:

— 1951-ый... Не надо нам земли чужой — свою мы создаем! И одарил ее водой могучий водоем...² (Александра, сделав возмущенное лицо, направляется к дверям.)

— Что вы? — оборачивается Вера.

— Там люди умирают! А вы тут?.. вы тут что делаете, а? — и покидает палату.

9*. Коридор такой же чистый, новый. Александра слышит шум слева и идет туда.

На пути возникает ВРАЧ (45), мужчина, и аккуратно берет ее за руку:

— Николавна! Куда это вы так спешите?

— Пропусти меня! Там же люди!.. У меня какой тест, а?

— Да я вам сам завидую! Но лучше вы вернитесь в палату, мы специально вам...

— Уйди — я сказала!! Я права! — погрозила она и слегка оттолкнула врача.

Врач ухмыляется и уходит. Александра поворачивает — и видит спереди бесконечно длинный коридор; заполненная регистратура: санитары разрываются. Там чуть не *драка*; стены грязные, всё тускло. ШУМ приглушен. Александра вскрикивает от увиденного, пытается рвануться туда — но ноги не слушаются, перед ней словно завеса.

КП: Тем временем в палате Анна, высоко подняв голову, с дрожью читает СТИХ:

*...Взглянула — и, скованы смертною болью,
Глаза ее большие смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.*

10*; (под СТИХ). По коридору врачи везут каталку: «В реанимацию! скорее!!»

Александра трясущейся рукой пытается уцепиться за воздух и пройти вперед.

Она видит распахнувшуюся сбоку реанимацию. Оттуда доносится ледяной голос Врача:

— Если температура выше тридцати девяти, со штормом человек не справляется.

Александра падает на колени, но ее подхватывают санитары и оттаскивают назад:

— Внучок! внучок!.. Господи... Россия!! Да отцепитесь!.. Люди!! (под СТИХ:)

*Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.³*

11*. Поздний вечер, двор больницы. КП: На голые ветки падает снег. В небольшом парке стоит *Статуя* медсестре; рядом, у одинокого фонаря, сидит взрослый ВНУК (30).

— Интересная статуя, — смеется подошедший МУЖЧИНА (40).

— Она поставлена в честь двух медсестер, покончивших с собой. Они из Сургута, — отвечает Внук. — Они не смирились, к счастью, с жестокой действительностью.

— Она из мрамора?.. Кто же это поставил мрамор в такой глуши? Откуда деньги?

— Деньги? — после ПАУЗЫ тихо отвечает Внук. ЗТМ.

12. ИЗ ЗТМ. КП: Документ. Лицо мужчины, ГЛАВВРАЧА (55), искажает ужас.

13. Санитары быстро надевают СИЗы (защит. костюмы). Они кричат друг другу:

— Закончится весь этот ужас, и уйдем в самый настоящий свинячий запой!

— Да? Если выживем...

— Ты пьешь по схеме плаквенил?

— Ты что, печень отвалится! Какая схема, спасибо!

— ...А в шестой палате сетка у кроватей, тех дореволюционных, совсем истерлась. Когда ж до нашего очередь дойдет? Уже скоро проваливаться начнут...

— Сетки?

— Люди!..

— Какая тут мебель? Уже не знаем на кого молиться, хоть бы препараты закупались вовремя: на сегодня вроде как три операции. Я на одной ассистирую. Препараты для легоньких и вовсе со дня на день кончатся... Что делать будем, а, друзья-медрабы?..

Готовые к рабочему дню, все по очереди выходят. КП: Санитар жмет другому руку.

14. ШУМ, КРИКИ. Две медсестры заходят в большую палату (20 коек), развозят еду, ставят капельницы пациентам. Одна из них наклоняется к деду:

— Суйте пальчик!

— А что это у вас коробочка? — говорит дед, засовывая трясущийся палец.

— Это чтоб вас шторм не накрыл... Видите, что происходит. Не больница — море.

— Две беременные умерли-и! — кричит какая-то старуха. — Господи помилуй!

— Че орешь-то? Че чушь-то орешь? Успокоились все, я сказала! — кричит вторая медсестра и спотыкается об пол, разрывая дряхлый линолеум. — Тьфу, собака!..

Снова у окон орет приближающаяся СИРЕНА. Та же медсестра, взглянув в окно:

— Неужто новеньких? Здесь скоро дышать уже нечем будет... — она пытается измерить сатурацию у женщины. — Ну, понаделали ногтей-то своих! И ничего не

мерится. Ну, ну, верти пальчиком-то своим, а то щас как пообламываю всё тебе!

— Обломова, дуй уже в другую палату! — говорит уходящая медсестра. —

Граждане, не болеем! Шторма избегаем! Выздоровливаем, а то мест мало! нече долго!

15. На регистратуре женщина, АДМИНИСТРАТОР (30), объясняет ДЕДУ (70):

— Сейчас пройдите в пятый... (Сквозь очередь ломятся другие люди.)

— А? — шуруется дед. — Чего?

— Пройдите, говорю, в седьмой кабинет!! Там вам всё расскажут подробнее!

Появляется толпа из десяти человек, впереди них — ФЕЛЬДШЕР (35).

— Вы их куда ведете-то? — кричит администратор на фельдшера. — А? Куда ведете? Мы здесь уже неделю как сельди в бочке!

— Ну, бери последних! — орет фельдшер. — Кончились больницы, всё — нету!

16. Сумерки. Ужасный ШУМ. ОП: Большая палата. Две старухи с деменцией плачут и кричат, что-то ища руками. Одна женщина развешивает белье из какого-то таза по трубам. Заходит та самая Обломова, медсестра, с санитаром:

— Тимофеевна! Я те че сказала, а! Никакого белья, — она срывает всё с труб.

КП: Пожилой мужчина держит за руку свою жену, лежащую на соседней койке.

— Всё будет хорошо, — говорит он тихо, закрыв глаза, — это лишь очередная буря. Сколько Россия пережила таких бурь? (Тут у другого пациента ломается ножка койки.)

17. В палате ИВЛ у койки Михаила стоят два врача.

— У него лейкоциты 2,7. И... Хуже стала сатурация. Видишь, какое воспаление, — один из врачей показывает снимок другому. Тот тяжело вздыхает, протирает глаза.

КП: Михаил на ИВЛ; на тумбе около него разбросаны книги. Голос Врача (O.S): «Продержится?» КП: Ветки за окном, сильный снегопад. ЗТМ.

18. (СОН) СЕРДЦЕБИЕНИЕ. ИЗ ЗТМ. От ТЗ АЛЕКСАНДРЫ: она движется среди стен из огромных булыжников и выходит в комнату для свиданий. Темно. За стеклом стоит повзрослевший ВНУК (21). Позади него возникает черное очертание надзирателя. Внук подносит к уху трубку с *отрезанным* проводом. Его губы беззвучно шепчут: «Меня пытаются». Бабушка оборачивается на стену. ШУМ колоколов, УДАР. Она поворачивается обратно — и стекло, ставшее зеркалом, отражает ее обезображенное страхом лицо, по которому текут слезы. Ее шепот (V.O): «Ни за что не переменю... Я...»

19*. КП: Александра открывает влажные глаза; поворачивается: в распахнутое окно лезет зелень кустов, березовые сережки. В углу Вера, Анна и Николай пьют чай.

— Проснулись? — Вера. (Александра, собрав волосы в пучок, подходит к ним.)

— Где же ваш несчастный стул? — тупо озираясь, спрашивает Александра.

— Убран в надежное место, — отвечает Анна, поправляя букет нарциссов на столе.

— Зачем? — возмущенно спрашивает Александра. Николай громко смеется.

— Вам ли не знать, дорогая Александра Николавна! — отвечает Вера, расправляя почти прозрачные перчатки. — Сейчас за что угодно тебя припишут к... людям деструктивным. Вот имеешь ты, например, стул. А к тебе приходят и, ахая, говорят: «Собака! собака тер-ро-рис-тическая!» Вот так! Потому... А как же? Принимаем меры!.. — Вера хлопает по табуретке около себя; Александра садится. КП: Нарциссы.

— Где этот... Второй-то ваш? — спрашивает Александра, выпивая чай.

— Ах, Михаил... — Вера пронзительно бросает взгляд в окно. На подоконнике синички едят пшено. — Он оставил нас... Выписался! А мы давайте-ка тоже... Коля! а!

— Что же ваш внук? — спрашивает Вера Александру, пока Николай собирает стул.

— Внук? — об раму ударяется птичка и падает в траву. Прочие разлетаются. — А, да, да. Почему-то я покойна... Там птичка ударилась... А вы откуда знаете про внука?

— Все мы друг о друге знаем... всё. Мы же люди, — ПАУЗА. — Вот и вы знаете, что моего ребенка тоже... *убили*. Ну, отправили на химию. Понятия тождественные.

— Вера! Что же делать!?! — вскакивает Александра и куда-то тянет Веру.

— Ну? Помнить, — спокойно отвечает Вера и кивает на севшего на стул Николая. Тот начал: «За гремучую доблесть грядущих веков...»⁴ (ПРИМ.: Далее — эхом.)

20. Весь в снегу, около Статуи просыпается Внук Александры и смотрит в их окно.

21*. Вера подходит к двери и грустно оборачивается. ПАУЗА. Говорит с улыбкой:

— Я скоро вернусь. Нужно, пожалуй, и мне на людей посмотреть. Долго боялась.

22. Вера умерла: ее накрывают простыней и вывозят из палаты ИВЛ. ПЕРЕХОД:

КП: На окне (ЗАКАТ) сидят воробушки; их кормит Александра. Тут же играет патефон.

23. В замусоренном кабинете собрались главврач и четыре врача. Один из них:

— ...Закончилось? — ПАУЗА. — Закончились препараты!! — дико вскрикивает врач, в порыве снося со стола все предметы и бумаги. КП: Приказ о сокращении

финансирования; рука рвет его. — Мы же тут подохнем все! Скоро и СИЗы кончатся!

— Шторм накрывает... — тихо говорит другой врач, женщина.

— Шторм? — орет тот, матерясь про себя. — У меня на днях двое племянников умерло! дети! Дети!! — он бьет кулаком в стену. — Ни помощи, ничего! Это — убийство!

— Что... делать? — спрашивает женщина. Тишина, ПАУЗА. Все опускают головы.
— Плацебо, — вставая, спокойно и строго отвечает главврач.
— Плацебо!?! — возмущается кричащий врач.
— А что ты предлагаешь? Это как вера: скольких людей вытацила психосоматика?
— Вера у нас вчера умерла, — тихо отвечает третий врач.

24. В коридоре, на хлипких скамейках плачут подслушивавшие медсестры, стоят, подавленные, санитары. Слева ходит женщина, развешивая по горячим трубам белье. За ней ходит ревушая старушка, тут же забирая развешенное белье и теребя женщину:

— И он сказал, что эти... террористы!! Журналисты, они постоянно подрывают всё! всё!
— Что? — спрашивает та, продолжая аккуратно развешивать свои вещи.
— Да телевизор сказал!! Телевизор! Ты почему ничем не интересуешься?
— А? — и они скрываются в другом крыле. ПАУЗА. Окно разбивает камень. ЗТМ.

25. (СОН) Облачный день. Цветущее поле, окруженное густыми лесами. Ветер. КАМЕРА медленно движется к стоящему вдалеке домику (от ТЗ АЛЕКСАНДРЫ): «О, мой огород!...» Звучит ГОЛОС Веры (V.O): «Здравствуйте, дорогая Александра. Пишу к вам из места вполне недурного и представляюсь заранее — Вера. Вы знаете, Вера умерла... Впрочем, это уже *давно* не секрет для Вас — с того момента, как отняли у Вас внука. Страшно... Помните, как пишут: “В Россию можно только верить...”».

Александра замечает большую, зарытую наполовину в песок деревянную *подложку*: «Странное... И имя корабля затерто. Чё это, а? Эх, корабль-государство!...» КАМЕРА продолжает движение. ГОЛОС Веры (V.O, CONT'D): «Верить... Только вот мне кажется, что одной веры уже недостаточно... Знаете, когда моему сыну присвоили *этот статус*, он написал статью. Всего лишь статью — самое смертоносное, видимо, оружие и до сих пор. На следующий день его... — (ПАУЗА.) — в своем же подъезде...»

На дом, к которому двигалась КАМЕРА, падает береза, проламывая крышу и стены. КАМЕРА застывает на доме (ОП). В проходе виднеется чья-то рука, заваленная обломками. Оседают пыль. Откуда-то из дома в руки Александре прилетает грязная бумага: «ПРИКАЗ № ПРИКАЗ № ПРИКАЗ ОБ УБИЙСТВЕ И СОХРАНЕНИИ ЯЗЫКА» Кругом вянут цветы. КАМЕРА, *слегка приподнятая*, двигается вперед.

ГОЛОС Веры (V.O, CONT'D): «А я продолжила его дело... Но, как видите, ненадолго. Может быть, вам интересен Михаил? Он был отцом одного юноши, который работал на шахте *Л*. Нужно ли пояснять что-то еще? Но полно о нас. Зачем же я пишу к

Вам?.. Затем, чтобы поблагодарить Вас за схожий путь, за помощь... И попросить... верить? Не знаю. Делать что угодно — но не опускать руки, никогда не опускать руки... Верить, не верить: не придумали еще нужных глаголов. Путь правды труден, но...»

КАМЕРА резко опускается вниз — Обрыв. Александра стоит на самом краю.

Вдали, с другой стороны огромной пропасти, виднеется большая деревня, откуда доносится ВЕСЕЛЫЙ ШУМ играющих детей. ГОЛОС Веры (V.O, CONT'D): «Но клянись же, что вы не оставите своё отечество... и не измените своей истории».

Кто-то со СМЕХОМ толкает сзади Александру, и та долго падает в пропасть, на дне которой виднеется шумящий водный поток.

26*. Александра сидит на койке, в ее трясущихся руках — письмо. Она бубнит: «Клянись... Ваша Вера». Палату озаряет утренний свет. Александра подходит к окну и видит, как вокруг Статуи играют дети. А неподалеку будто проходит ее взрослый Внук, улыбаясь ей. Александра закрывает рот, чтобы не вскрикнуть. «Клянусь!» — дрожа, простанывает она. ПАУЗА. Она бьет по подоконнику и кричит: «Просыпаемся!»

Она быстро накрывает на стол, наливает всем чай, срывает из окна ветвь яблони.

— Что это с вами, Александра? — сонно кряхтит Николай, посмеиваясь.

— Встае-ем! У нас очень много дел! Коля, а ну-ка, быстро ставь стул несчастный!

Николай соскакивает и собирает стул. Александра что-то ищет в своей сумке:

— Ах... Да, — она находит затрепанные листы. — Вот оно... Анна! поди сюда.

Смотри, что мы читаем сегодня. Держи. А я скоро, — и сама уходит из палаты.

КП: На глазах у Анны наворачиваются слезы. Она садится на стул, приготавливаясь.

27*. В коридоре из окон тоже заструился весенний свет. Александра подходит к тому барьеру. Санитары вопросительно смотрят на нее. «Куда вы, Николавна?» — говорит один. Александра преступает порог — в палате Анна начинает читать СТИХ:

*И жизнь свою разрушь до основания,
Когда в соседней комнате дозавтракает кит.
И жизнь свою разрушь до основания,
Когда любой сосед — уже убит.
И жизнь свою разрушь до основания,
Когда вдруг заскребется рыба в дверь.
Разрушь всю жизнь, и — верь,
Что лучше умереть под плинтусом,
Чем — хотя бы пальцем —
Дотронуться другого.*

28*; (под СТИХ). Александра, сильно нахмурившись, медленно подходит к регистратуре, где стоит ужасная ругань, почти драка. Все сразу смолкают.

— Что это!? — с упреком, строго говорит она. — Какое право вы имеете орать и ссориться? А? Это — шторм, а вы в придачу сами на стены лезете! Быстро за работу!!

29*. Александра выходит из палаты и идет в другую. Там медсестры со слезами вводят плацебо пациентам. Александра с кроткой улыбкой подсаживается к мужчине:

— Ну, что ты? Плохо? А кому ж щас хорошо?.. Нужно держаться. Все мы одно. Одно целое... Никто не один. Россия не одна... (Медсестры смеются с пациентами.)

Во всем госпитале воцаряется работа. Александра идет по коридору, ноги ее подкашиваются. Она опирается на стену — но продолжает идти, бубня: «И жизнь свою разрушь до основания...» КП: В окне будто отражение улыбающейся Веры.

30*. Анна в палате тихо плачет. Николай пытается успокоить; тут же Александра.

— Кто... это написал? — спрашивает Анна. ПАУЗА.

— Мой внук, — отвечает Александра.

Анна еще больше заливается слезами. За окном при солнце моросит дождик.

31*. Александра стоит за стеклом в реанимации и беспрестанно молится: «Дай мне... Дай мне горькие годы... Дай...» ОП, КП: Врачи уверенно делают операцию по ампутации ноги. «Завершаем. Завершаем операцию», — говорит врач. ЗТМ.

32. ИЗ ЗТМ. Ясный февральский день. ДП: Перестилается крыша госпиталя. СЕРИЯ КАДРОВ: Внутри него теперь тихо, в коридорах почти пусто. Два врача обходят пациентов в новой, современной палате с ИВЛ. Один из них говорит:

— Она хорошенькая? — остановившись около женщины. — В медицинском смысле.

— Она вполне, — смеясь, отвечает второй врач.

В другой, обычной, палате медсестры обмениваются записками с пациентами.

33. В чистой столовой смеются медработники. Медсестра со слезами говорит: «Да, сегодня я увижусь с сыном — спустя три месяца, как мы забаррикадировались тут... Он у меня еще учится... Мы полюбим друг друга заново, ха-ха!» Все хлопают.

34*. В коридоре на скамейке сидит Александра, наклонив голову к стене. У нее отдышка, дрожь. «Здравствуйте, Александра Николаевна!» — кричат бегущие в красную зону санитары. «Привет, привет», — небрежно бросает Александра и уходит.

35*. В палату из окна тянутся цветущая яблоня, сирень. «Нехорошо...» — говорит Александра и ложится на койку, держа при себе книгу. Как в бреду говорит:

— Как же там Вера... Вера-то поживает?.. Я всё выполнила?.. А где это мы?

— В хорошей палате, — отвечает Анна. — Нам выделило ее государство за заслуги.

СЕКУНДНЫЙ КАДР-ВСТАВКА: Темная, грязная палата ИВЛ с тремя пациентами.

— Кто вы-ы!? — дико орет Александра. В палату тихо постучались.

— Я?.. Я та, которая ни на один день не покинула свою страну... — помолчав, Анна добавила: — Александра Николаевна, мы с Николаем тоже решили навестить пациентов. Вы подождите нас, мы скоро вернемся, — и целует Александру в лоб.

Они уходят. В палату вдруг залетают синицы и воробушки. Александра протягивает к ним руки: «...Пойдем искать воробушка!.. воро...», кашляет. СТУК в дверь.

ОП: Палата. ПАУЗА. Снова СТУК в дверь. «Да войди, а!» — кричит Александра, выходя.

36*. Открывается дверь. Через кафель проросла трава. Александра выходит: справа коридор плавно перетекает в зеленеющее поле. Слева — медработники и даже пациенты радостно провожают медсестру, ждущую встречи с сыном. ПАУЗА. Затем все оборачиваются на Александру, как бы провожая и ее: улыбаются, ХЛОПАЮТ. А она отмахивается и уходит в поле: «Помогла, помогла... Шторм кончился. Кто это?..»

Невдалеке стоит ее взрослый Внук. КП: Он улыбается и говорит: «Герои нашего времени...» КАМЕРА отдаляется: Александра бежит к нему. Обнявшись, они уходят.

37; (под СТИХ). Около Александры сидит Внук, держа ее за руку. Ее отсоединяют от ИВЛ, накрывают простыней и увозят. ОП: Палата пуста, из окна — солнечный свет. КАМЕРА из палаты движется к выходу. Слышен чей-то диалог: «У нас лучшая работа, а?» — «Думаю, да». Чей-то СМЕХ; серьезно: «Клянусь, клянусь! не оставлю».

38. КАМЕРА выезжает на улицу: сквозь тающий снег на полях проклевываются зеленые побеги. Около Статуи, что во дворе госпиталя, распускаются цветы. СТИХ:

*Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.⁵*

КОНЕЦ

¹ В сценарии три хронотопа: сны Александры (КАМЕРА всегда от ТЗ Александры); действия, происходящие в коме Александры (обозначаются как раз значком «*»); основные действия, происходящие в самом реальном госпитале.

² «Так будет!», 1951. А. А. Ахматова

³ «Лотова жена», 1924. А. А. Ахматова

⁴ «За гремучую доблесть грядущих веков...», 1931, 1935. О. Э. Мандельштам

⁵ «Молитва», 1915. А. А. Ахматова